

Цяньлун уселся в кресло-тай-ши, которое принес Сяо Дэнцзы, а Цзиньсо, Минъюэ и Цайся поспешно поднесли чашки с чаем.

— Начни-ка с той самой связки приемов хлыста, что ты показывала только что.

Сяо Яньцзы переглянулась с Эр Тайем, и тот ободряюще улыбнулся ей, глядя полным поддержки взглядом.

— Что ж, тогда Сяо Яньцзы посмеет оскандалиться.

Сяо Яньцзы глубоко вздохнула и вернулась на свободное пространство во дворе.

Замерла, закрыла глаза, выровнила дыхание.

Когда она снова открыла их, вся суетливость в ее глазах полностью исчезла. В памяти вспыхнули наставления Эр Тая: сила берет начало в земле, передается через поясницу к плечам и высвобождается в запястье.

Она взмахнула запястьем, и длинный хлыст рассек воздух!

Сначала шли базовые движения: прямой удар, горизонтальный взмах, круговой удар. Каждое движение было четким и стремительным, а алоэ на кончике хлыста вычерчивало в воздухе свирепый узор.

Постепенно движения слились в единое целое. Длинный хлыст заструился подобно божественному дракону, тоящему грозную молнию, то становясь гибким и упругим, как змея.

Во дворе был слышен лишь свист рассекаемого воздуха, листья с деревьев сыпались под порывами ветра, но ни единому не удавалось приблизиться к ней.

Цяньлун держал чашу с чаем, и его взгляд следовал за траекторией хлыста. Сначала он смотрел просто ради праздного любопытства, но постепенно выпрямился, а в глазах мелькнуло удивление.

Цяньлун уже видел прежние неуклюжие фокусы Сяо Яньцзы, но теперь, глядя на ее нынешние приемы — свистящий, яростный хлыст, — пусть в них все еще чувствовалась некоторая недоработанность, добиться такого прогресса за столь короткий срок уже было редкостью.

Закончив комплекс движений, Сяо Яньцзы замерла в финальной стойке, слегка переведя дыхание, и воодушевленно посмотрела на Цяньлуна:

— Отец-Император! Ну как?!

Цяньлун отставил чашку, захлопал в ладоши и громко рассмеялся:

— Хорошо! Превосходный хлыст!

В его глазах читалось искреннее одобрение.

— Я-то думал, ты просто балуешься, а оказывается, и впрямь приложила усилия. Хоть этот хлыст еще не доведен до совершенства, сами движения отточены и уже на что-то похожи. Редкость, поистине редкость.

— Вот именно, Сяо Яньцзы, на этот раз ты действительно заставила нас взглянуть на себя по-новому, — Юн Ци и Эр Кан тоже невольно захлопали в ладоши.

Сяо Яньцзы победоносно вскинула подбородок, глядя на Эр Тая, а тот смотрел на нее с гордой улыбкой.

Это маленькое движение не ускользнуло от внимания Цяньлуна. Он поманил Сяо Яньцзы к себе:

— Сяо Яньцзы, скажи-ка мне, за те дни, что ты занимаешься боевыми искусствами, не случилось ли тебе травмироваться?

Сяо Яньцзы покачала головой:

— Отец-Император, я знаю, что для человека, занимающегося боевыми искусствами, травмы неизбежны, но все это лишь мелкие царапины, не стоит беспокоиться.

Такой ответ несколько удивил Цяньлуна. Он помнил, как раньше эта девчонка поднимала крик из-за любой царапины, а теперь...

— Похоже, ты действительно повзрослела.

Цяньлун кивнул и перевел взгляд на Эр Тая:

— А ты, Эр Тай, отличный вышел из тебя наставник.

— Ваше Величество, я не смею принимать похвалу, это природный талант принцессы, — ответил Эр Тай, сложив руки в поклоне.

— Ха-ха-ха, талант Сяо Яньцзы? — рассмеялся Цяньлун.

Услышав это, Цзы Вэй, Эр Кан и Юн Ци тоже улыбнулись. Сяо Яньцзы уловила скрытый смысл в этих словах, надула губы и уже собиралась возразить, как Цяньлун сменил тему:

— Ладно-ладно, я сегодня пришел не только проверить твои успехи за эти дни, но и сказать вам кое-что еще.

В сердце Сяо Яньцзы кольнуло, она переглянулась с Цзы Вэй — обе вспомнили тот кошмар, который Сяо Яньцзы видела несколько дней назад.

— В начале следующего месяца я решил совершить поездку за пределы столицы, попутно inspectируя гидротехнические сооружения и узнавая нужды простого народа, — голос Цяньлуна звучал ровно, но каждое слово было четким.

У Сяо Яньцзы сжалось сердце, ее руки судорожно сжали древко Чжуюнь.

Началось. Наконец-то началось.

В прошлой жизни именно в это время Отец-Император объявил о выезде в путешествие, а затем в дороге произошло столько всего... Она глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться.

Цяньлун заметил перемену в ее выражении лица и продолжил:

— Однако, Сяо Яньцзы, раз ты принцесса, то должна владеть как гражданскими, так и военными искусствами. Я даю тебе пять дней: выучишь наизусть стихотворение Песнь о выступлении в поход в древности — тогда разрешу тебе отправиться со мной в качестве сопровождения.

Стоило прозвучать названию Песнь о выступлении в поход в древности, как улыбка на лице Сяо Яньцзы мгновенно застыла.

Это стихотворение... это же стихотворение! Сяо Яньцзы горько пожалела об этом! Как она могла забыть о столь важном моменте! В прошлой жизни она потратила столько сил на это чертово стихотворение!

— Ладно, через пять дней я приду принимать экзамен.

Цяньлун поднялся с места, заложил руки за спину и, глядя на остолбеневшую Сяо Яньцзы, не мог сдержать улыбки:

— Юн Ци, Эр Кан, останьтесь. Помогите Принцессе Хуаньчжу поломать голову над этим заданием, иначе, по моим прикидкам, она и за полмесяца его не выучит... Ха-ха-ха...

— Слушаюсь, Отец-Император.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — поклонились Юн Ци и Эр Кан.

— Отец-Император... — на лице Сяо Яньцзы тотчас отразилось вселенское горе. — Отец-Император, вы же прекрасно знаете, что заучивание стихов для меня — все равно что смертный приговор, уж лучше бы вы заставили меня выучить еще пару комплектов боевых движений...

Цяньлун нахмурился:

— Если ты не выучишь эту Песнь о выступлении в поход в древности, я запрещу Эр Тайю учить тебя боевым искусствам. Сам возьму с собой Цзы Вэй и поеду кататься, а ты сиди себе смирно в обители Шуфан и зубри стихи, пока не выучишь назубок.

— А, ладно-ладно, выучу, выучу я его, — Сяо Яньцзы мгновенно сникла.

— Сяо Яньцзы, раз столько людей будут помогать тебе и подсказывать, неужели ты боишься не выучить? — Цзы Вэй подошла к Сяо Яньцзы, мягко поддержала ее за руку и утешительно произнесла.

— Вот именно, принцесса, разве вы не усердно тренируетесь в боевых искусствах именно для того, чтобы во время поездки иметь возможность защитить обиженных и восстановить справедливость? Как же вас может повергнуть какое-то стихотворение? — поддержал Эр Кан.

— Верно! Отец-Император, Сяо Яньцзы принимает это испытание! — Сяо Яньцзы вмиг воспряла духом!

— Хорошо, через пять дней я приду снова, ха-ха-ха...

— Счастливого пути, Отец-Император...

— Счастливого пути, Ваше Величество...

Императорский паланкин удалился.

— Сяо Яньцзы? — мягко позвала ее Цзы Вэй.

— Песнь о выступлении в поход в древности... Это... это... Цзы Вэй... Отец-Император велел мне выучить стихотворение... — Сяо Яньцзы сбивалась с толку, вцепилась в руку Цзы Вэй и испуганно затараторила: — Она снова начинает звать на помощь!

— Не спеши, у нас есть еще пять дней. Мы придумаем все вместе, обязательно выучим, — Цзы Вэй перехватила руку Сяо Яньцзы и успокаивающе погладила ее.

— Сяо Яньцзы, не волнуйся, — первым заговорил Юн Ци. — Раз Отец-Император дал целых пять дней, значит, он дает тебе шанс. Мы вместе найдем выход.

— Верно, нас так много, каждый объяснит по строчке, пусть даже мы будем учить по одной строчке в день, все равно осилим.

— Давайте сначала зайдём внутрь, запишем стихотворение целиком и посмотрим, сколько Сяо Яньцзы способна запомнить сама, а дальше уже решим, что делать, — предложил Эр Тай.

Все кивнули и вошли в обитель Шуфан.

Цзы Вэй помогла переписать стихотворение на бумагу. Сяо Яньцзы взглянула на иероглифы, и ее взгляд помрачнел:

— ...Столько знаков, у меня от одного вида голова кружится...

Цзы Вэй задумалась:

— Сяо Яньцзы, а помнишь, как мы раньше играли в буриме? Если превратить строки в игру, возможно, запоминать станет легче.

Юн Ци тоже предложил:

— А можно представить это в виде истории. Например, строка Принцесса с пипа полна печали и тоски рассказывает о временах династии Хань, о том, как Ван Чжаоцзюнь отправилась за границу для заключения мира путем династийного брака...

И обитель Шуфан экстренно перепрофилировалась из тренировочного лагеря в ускоренные курсы по заучиванию стихов.

Утром, во время разминки с хлыстом, Эр Тай вплетал строки прямо в движения:

— Запястье нужно поднять вот так... Правильно, этот прием называется Днем в горах взираем на сигнальные огни.

Сяо Яньцзы взмахивала хлыстом и бормотала себе под нос:

— Днем в горах взираем на сигнальные огни... сигнальные огни...

После тренировки с хлыстом эстафету перенимала Цзы Вэй.

Она переложила стихотворение на ладный мотив, подобрала простую мелодию. Сяо Яньцзы поначалу стеснялась, но потом тоже принялась подпевать и действительно запомнила большую часть.

После полудня Юн Ци брался за исторические справки.

Он откуда-то принес карту приграничных земель и, указывая на ней реки и заставы, объяснял Сяо Яньцзы значение названий.

Дойдя до строки Принцесса с пипа полна печали и тоски, он даже велел музыканту принести пипу и исполнил простенькую, надрывную мелодию.

Сяо Яньцзы подперла щеку рукой, прислушалась, а затем вдруг спросила:

— Наверное... она безумно скучала по дому?

Юн Ци на мгновение замер, а затем кивнул:

— Вдали от родной земли, без надежды вернуться на родину до конца дней — разумеется, тоска по дому невыносима.

— Прямо как я тогда, когда только попала во дворец и тосковала по нашему общему двору... — пробормотала Сяо Яньцзы, и в ее глазах мелькнул огонек понимания. — Только ей пришлось куда тяжелее, она уже никогда не сможет вернуться.

Цзы Вэй, стоявшая рядом, слегка вздрогнула от этих слов.

— Что вообще значит И жизни не жаль ради легких колесниц? — нахмурилась Сяо Яньцзы. — Это значит, что воины должны отчаянно следовать за повозками? Но ведь это бессмысленная гибель!

Эр Тай призадумался:

— В этой строке действительно кроется двоякий смысл. Одни толкуют ее так, что воинов силой гнали вслед за повозками на верную смерть, другие же считают, что раз уж они выбрали путь

воина, то должны иметь мужество пожертвовать собой.

Сяо Яньцзы немного подумала и серьезно произнесла:

— Но зачем же идти на смерть, раз уж ступил на этот путь... Древние такие странные, и тот, кто написал эти стихи, тоже какой-то странный...

Эр Тай посмотрел на нее, и в сгущающихся сумерках что-то в его взгляде неожиданно смягчилось.

Услышав ее рассуждения, остальные тоже беспомощно рассмеялись.

В конце концов Эр Тай произнес чуть мягче, чем обычно:

— Ладно, мы не будем уподобляться древним, у нас есть собственные принципы.

Так прошел один день, второй, третий... Сяо Яньцзы перешла от запинающегося бубнежа к попыткам осмыслить прочитанное, что не могло не радовать окружающих.

На пятый день Цяньлун прибыл точно по расписанию.

На сей раз аудиенция проходила не в кабинете, а прямо во дворе обители Шуфан.

На каменном столе стояли чай и сладости, Цяньлун восседал в кресле-тай-ши, а Сяо Яньцзы стояла перед ним с прямой, как струна, спиной.

Цзы Вэй, Эр Кан, Эр Тай и Юн Ци почтительно застыли неподалеку. Их лица казались невозмутимыми, но руки в рукавах крепко сжались в кулаки.

— Начинай, — бесстрастно произнес Цяньлун, поднося к губам чашку с чаем.

Сяо Яньцзы бросила взгляд на Цзы Вэй. Та ответила ей ободряющей улыбкой, а остальные безмолвно поддерживали девушку со стороны.

Сяо Яньцзы глубоко вздохнула, закрыла глаза, мысленно перебирая все усилия последних дней — она просто обязана была прочесть это стихотворение, чтобы отправиться в поездку и защитить Отца-Императора и Цзы Вэй!

— Днем в горах взираем на сигнальные огни, в сумерках поим коней у реки Цзяохе, — ее звонкий голос четко выговаривал каждое слово. Брови Цяньлуна едва заметно дрогнули.

— У заставы ветер свищет сквозь пески, принцесса с пипа полна печали и тоски.

В глазах наблюдавших вспыхнуло облегчение и радость.

— Бескрайние тучи над тысячами ли лишены городов, снег и дождь сменяют друг друга над Великой пустыней. Дикая гуси с плачем пролетают каждую ночь, слезы чужеземцев падают парами...

— Слышал, застава Юймень все еще занесена песком, и жизни не жаль ради легких колесниц. Годы кости павших белеют в диких степях, а виноград ввопят в царство Хань лишь на зависть всем.

Когда затихла последняя строка, во дворе воцарилась такая тишина, что было слышно, как шелестят падающие листья.

Сяо Яньцзы открыла глаза и с трепетом посмотрела на Цяньлуна.

Цяньлун медленно опустил чашку, его взгляд замер на ее лице так надолго, что Сяо Яньцзы уже решила, будто ей снова влетит нагоняй. Наконец он произнес:

— Отлично прочла.

Сяо Яньцзы остолбенела, едва веря собственным ушам.

Цяньлун поднялся на ноги, заложил руки за спину и подошел к Сяо Яньцзы:

— Что до поездки... я разрешаю тебе ехать.

— Спасибо, Отец-Император! — Сяо Яньцзы в восторге вцепилась в рукав Цяньлуна, и ее ликование было настолько искренним, что окружающие невольно улыбнулись вместе с ней.

Цяньлун приподнял руку, похлопал ее по запястью, а затем обвел взглядом стоявших рядом Эр Тая, Юн Ци и Цзы Вэй:

— Вы славно потрудились в эти дни.

Трое поспешно поклонились:

— Ваш подданный/сын/служанка не смеют гордиться.

Цяньлун не стал больше ничего говорить и отбыл в свои покои.

Как только императорский паланкин скрылся из виду, Сяо Яньцзы шумно выдохнула:

— Я... я правда справилась? — она запрыгала на месте, хватая Цзы Вэй за руки. — Цзы Вэй, я ведь и впрямь всё рассказала!!

— Да-да, рассказала, ты прочла просто великолепно! — с сияющей от неподдельной радости улыбкой ответила Цзы Вэй.

Эр Тай ничего не сказал, лишь мягко и тепло улыбался, глядя на нее.

— Это всё благодаря вам, — Сяо Яньцзы оглядела то одного, то другого. — Без вас я бы ни за что не справилась...

В этой жизни она всё изменила! Значит, и всё, что последует дальше, тоже непременно удастся изменить!

Цзы Вэй крепко сжала ее ладонь:

— Ты сама выстояла до конца, Сяо Яньцзы, ты просто невероятная!

Улыбка Сяо Яньцзы сияла ярче утреннего солнца:

— Тогда... в знак празднования я угощу вас чем-нибудь вкусненьким! Минъюэ, Цайся, скорее бегите готовить пирожные с османтусом и десерт из финикового пюре...

— Ты нас угостишь? То есть хочешь заставить Минъюэ и Цайся работать в поте лица? — поддразнил ее Эр Кан.

— И что же, по мнению господина Фу, эта принцесса должна сама встать к плитам и стряпать для вас? — с вызовом переспросила Сяо Яньцзы. — Если эта принцесса решится приготовить, хватит ли у вас смежности это съесть, а?

— Пожалуй, нет, я еще хотел бы пожить на этом свете, — поспешно замахал руками Эр Кан.

— Эр Кан!! — Сяо Яньцзы уперла руки в боки. — Цзы Вэй, только посмотри на него!!

— Ха-ха-ха...

Веселый смех раскатился по сгущающимся сумеркам.

Завтрашний день был назначен днем отправления в путь. Во дворе громоздились полуоткрытые дорожные сундуки, а Минъюэ и Цайся всё еще сустились, укладывая последние пожитки.

Но атмосфера внутри главной палаты совершенно не вязалась с этой суматошной подготовкой к отъезду.

Цзиньсо стояла рядом с Цзы Вэй, держа ту за руку, а ее слезы, словно бусины оборванного ожерелья, капля за каплей падали на синий кирпичный пол. Она закусила губу, пытаясь сдержаться, но из горла то и дело вырывались всхлипывания, а плечи мелко дрожали.

— И вправду никак нельзя взять меня с собой? Барышня, это же наше первое расставание на такой долгий срок и на такое расстояние...

— Цзиньсо, — Цзы Вэй свободной рукой нежно стерла с ее щеки влагу, продолжая сжимать ее ладонь. — Не плачь. На сей раз император задумал совершить тайную поездку, и из женщин он берет с собой только меня да Сяо Яньцзы, брать много людей в дорогу было бы лишь лишним неудобством.

Ее голос звучал все так же мягко, но глаза тоже покраснели.

— Ты оставайся в обители Шуфан, веди себя тихо, и жди нашего возвращения.

— Я вовсе не о себе беспокоюсь... — Цзиньсо замотала головой, и слезы хлынули с новой силой. — Мне... мне так жалко вас. С самого детства я еще никогда не разлучалась с вами на столь долгое время...

— Глупышка, — через силу улыбнулась Цзы Вэй. — Всего-то три месяца, глазом моргнуть не успеешь, как мы вернемся. Будешь во дворце вышивать, мастерить мешочки для благовоний и шить платья, время и пролетит. А когда я вернусь, глядишь, гранатовое дерево во дворе уже плодоносить начнет.

За дверью послышались шаги, и Сяо Яньцзы вихрем ворвалась внутрь. Увидев картину в комнате, она резко затормозила.

— Цзиньсо? Чего это ты реवेशь? — Сяо Яньцзы в два шага подскочила к ним. — Ой, ну перестань плакать, чай не навек прощаемся! Посмотри на меня: я каждый день вляпываюсь в неприятности, и ничего, жива-здоровая!

Она говорила легко и непринужденно, попутно вытащив из рукава чистый платок и неуклюже принимаясь вытирать лицо Цзиньсо.

— Сяо Яньцзы... — Цзиньсо приняла платок, но слезы от этого полились только пуще прежнего. — Я волнуюсь за барышню... Барышня хрупкая здоровьем, дорога дальняя и тяжелая, а меня рядом не будет, чтобы присмотреть за ней. Вдруг в пути что случится...

— Тьфу-тьфу-тьфу! Ничего не случится! — Сяо Яньцзы оборвала ее на полуслове и хлопнула себя по груди с такой силой, что аж закашлялась. — Цзиньсо, ну-ка быстро сплюнь три раза! Не бойся, я с тобой!

Сяо Яньцзы выпрямила спину, и этот ее исполненный решимости вид заставил Цзы Вэй и Цзиньсо сквозь слезы улыбнуться.

— Ты думай что хочешь, а я хоть раньше, помнится, и вела себя кое-как, но в этот раз всё иначе! — голос Сяо Яньцзы звенел уверенностью, а в глазах горел огонь. — Клянусь тебе! Всю дорогу я буду с Цзы Вэй во время еды, охранять ее во время сна и поддерживать, когда мы идем пешком! И дело не только в простуде или кашле — даже если какой-нибудь комарик вздумает ее укусить, ему сначала придется иметь дело со мной, с Сяо Яньцзы!

Слова звучали несколько хвастливо, но исходившая от них решимость была самой подлинной.

Лунный свет лился из окна, освещая ее лицо — это вечно хохочущее и беззаботное лицо в данный момент излучало силу, способную принести успокоение.

Цзиньсо посмотрела на нее, и всхлипывания постепенно стихли. Она вспомнила недавние перемены в Сяо Яньцзы: та поднималась до рассвета ради тренировок с хлыстом, не жалуясь на кровавые мозоли на руках; зубрила стихи глубокой ночи, продолжая бороться со сном, когда голова уже падала от усталости...

— Сяо Яньцзы... — прошептала Цзиньсо. — Тогда... тогда вы непременно должны защитить барышню. Я верю барышню вашим заботам!

Сяо Яньцзы пообещала:

— Что за разговоры про верю — не верю! Цзы Вэй мне сестра, разве не долг мой защищать ее!

Руки всех троих сплелись воедино. Огонек свечи потрескивал, отбрасывая на стену три тесно прижавшиеся друг к другу тени.

Поздняя ночь, пора было отдыхать.

Когда Цзиньсо помогала Цзы Вэй переодеваться, ее пальцы дрожали. Она трижды проверила завязки на каждом наряде и со свечой в руках сверила ярлычки на всех пузырьках с лекарствами.

— Цзиньсо, — Цзы Вэй накрыла ее руку своей. — Довольно, правда, довольно.

Цзиньсо подняла глаза: в дрожащем свете свечи ее ресницы снова были влажными от слез.

— Барышня... вы непременно должны беречь себя. Непременно.

— Обещаю тебе, — торжественно произнесла Цзы Вэй.

В глубокой тишине ночи в обители Шуфан наконец погасли огни.

Тем временем в резиденции ученого.

Эр Кан и Эр Тай сидели по обе стороны от письменного стола из красного дерева. Посреди него была раскинута карта маршрута предстоящей поездки, на которой красной кишкой значились десятки отметок.

— Тот сон Сяо Яньцзы... — Эр Кан опустил чашку, чай в которой уже давным-давно остыл, а по ободку скатились капли конденсата. — Что думаешь?

Взгляд Эр Тая по-прежнему был прикован к карте, а пальцы машинально гладили чашку. Свет свечи отбрасывал на его лицо пляшущие тени, придавая привычно невозмутимому лицу редкое выражение суровой сосредоточенности.

В кабинете воцарилась долгая тишина.

— Но ведь это был всего лишь сон, — нахмурился Эр Кан. — Вопросы охраны во время поездки я перепроверял уже трижды. Впереди и позади императорского паланкина следуют восемь мастеров боевых искусств из императорской стражи, ты, я и Юн Ци тоже входим в сопровождение... При таком-то раскладе...

— Но убийцы из сна преуспели, — перебил его Эр Тай, и его голос упал до шепота. — Цзы Вэй пострадала.

Последние пять слов заставили Эр Кана невольно сжать кулаки.

Фитиль свечи с сухим треском выбросил искру.

В полумраке кабинета тени братьев замерли друг напротив друга, словно в схватке.

— Что ждет нас впереди и какие опасности таятся на пути, предсказать невозможно, остается лишь быть осторожными и еще раз осторожными, — неожиданно произнес Эр Кан.

— Ничего другого не остается. Просто будем неотступно следить за ними двумя.

— А Сяо Яньцзы... — Эр Кан перевел тему. — Догадывается ли она о твоих чувствах?

Эр Тай покачал головой.

— Почему?

— Еще не время.

Эр Тай посмотрел в окно: на востоке уже забрезжил бледный рассвет.

— Дождемся благополучного возвращения, дождемся... подходящего момента.

Он не стал уточнять, чего именно они ждут, но Эр Кан понял его без слов.

Дождаться благополучного возвращения из поездки, дождаться улаживания всех бурь, дождаться, пока эта вечно прущая напролом девчонка наконец отчетливо разглядит собственные чувства.

Дворец Куньнин.

Когда Цяньлун вошел внутрь, наложница Лин сидела у южного окна за вышивальным станком. Ее серебряная игла то взмывала вверх, то опускалась, вышивая пейзаж южных земель весной.

Спустя долгое время Цяньлун заговорил:

— Насчет поездки всё уже готово.

Наложница Лин отложила рукоделие, ее улыбка оставалась прежней — нежной и мягкой:

— Да, наложница уже слышала. Сяо Яньцзы и остальные... все очень рады.

— А ты не рада.

Цяньлун пристально взгляделся в нее, и его взгляд был остр, как клинок.

Наложница Лин опустила глаза, и длинные ресницы отбросили на кожу крошечные тени:

— Наложница рада. То, что император печется о нуждах народа — великое благо для Поднебесной. Просто... — она сделала паузу, и ее голос чуть затих. — Просто впереди два-три месяца пути, дорога будет долгой и утомительной, наложница... невольно тревожится.

Цяньлун сел рядом с ней и взял ее за руку:

— Эр Кан все организовал как надо, не о чем беспокоиться.

Наложница Лин в ответ сжала руку Цяньлуна:

— У Сяо Яньцзы душа чистая, но нрав слишком порывистый. Если в дороге она где-то оплошает или сделает что не так, Ваше Величество, будьте к ней снисходительнее, намерения-то у нее добрые...

<http://bllate.org/book/22027/2290108>